

Пламенный поток в гранитном русле

Так сказал о музыке Бетховена Ромен Роллан. Слова отражают впечатление, охватывающее слушателя «Аппassionаты» или Девятой симфонии. Впечатление, в котором сочетаются мощь, подобная Ниа-

гарскому водопаду, и гармоническая соразмерность, - главный признак классики.

В каждом виде искусства есть подобные таланты. Они поражают современников и потомков, меняя привычные пред-

ставления о возможной глубине переживания, они творят с поистине космической силой, достигая удивительных результатов. В искусстве танца этот тип творца воплотился в Марине Семеновой.

Ее дарование раскрылось сразу, в одночасье. Дебют шестнадцатилетней Семеновой в 1925 году привлек всеобщее внимание. Уже через два года советский нарком просвещения Луначарский, отвечая на ревнивый вопрос Дягилева «А есть ли в революционной России талантливые танцовщики?», назвал имя молодой балерины.

Блеск этого танца покорила всех. И знаменитого балетного педагога Агриппину Ваганову, чьей первой (и любимейшей) ученицей была Марина Тимофеевна, и

зрителей родного ей Ленинграда, и публику Москвы (с 1930 г. Семенова работает в Большом театре). Искушенный Париж, где она выступала перед войной, назвал ее «изумительной». Имя «советской примадонны» ставилось рядом с именами легендарными, балерина стремительно вошла в «золотой список» великих артистов мира.

Ее поднимали на пьедестал поклонники и критика - но ей не довелось станцевать «личный» балет, поставленный специально для нее. Годы пребывания

балерины на сцене большой частью пришлось на расцвет «драмбалета». Балетмейстеры пытались соединить условные классические па с «реалистическим» их антуражем, веря, что через добросовестный пересказ либретто достигается искомая «сценическая правда». Конечно, Семенова интересно исполняла драмбалетные роли, но ее танец не мог быть иллюстрацией, ее пластический жест никогда не был описательным. Ее дарование носило внебытовой характер, буквальность была ей чужда. Поэтому так дивно хороша была балерина в ролях классического репертуара. Условность классики давала Семеновой возможность предельно широко раскрыться, воплотить главные достоинства таланта, в котором так парадоксально и так органично сочетались величественность и стихия, напевность и броскость, патетика и обольстительность.

Ее мало снимали, кинолентки с ее выступлениями можно пере-

считать по пальцам. Но есть фотографии - несовершенные, сделанные в студии, а не на сцене. Впечатление от этих некачественных снимков сродни впечатлению от живописной фрески: эмоциональная грандиозность, монументальность, впечатляющая сила высказывания. И одновременно - явственно ощутимый пронзительный лиризм. (Стефан Цвейг говорил о Семеновой: в ее искусстве «повседневность прерывается бурей»).

Две великие и очень разные балерины по-своему выразили время. Одна - Уланова - дарила зрителю очарование недосказанности, брала в плен ранимостью и нежной чувствостью, была «подобна виденному сну». Другая, Семенова, воплотила представление о классической примабалерине, эффектной и царственной, по-другому концентрируя внимание зрителей. Ее персонажи - это вызов судьбе, бесстрашие и независимость: недаром ее сравнивали с изображением свободы

на знаменитой картине Делакруа. Героини Улановой нуждались в покровительстве, героини Семеновой - иная грань «вечно женственного» - были исполнены горделивой властности, уверенной в себе привлекательности. Создавался образ красоты, неподвластной обстоятельствам.

Эти впечатления передавались публике прежде всего за счет выдающейся виртуозности. Семенова блестяще владела ремеслом, техникой своей профессии. В истории русского и советского балета немало сильных талантов, художественное впечатление от их искусства было велико, но лишь о немногих можно сказать: «Этот танцовщик, эта балерина обладают не только особой выразительностью, но и филигранным мастерством». Даже у Анны Павловой знатоки отмечали недостаточную выворотность и небезупречные арабески.

В танце Марины Тимофеевны Семеновой именно потрясающее совершенство формы стало спо-

собом создания ее незабываемых образов: Одетты-Одиллии в «Лебедином озере», Никии в «Баядерке», Раймонды, Авроры в «Спящей красавице»...

Убедительность искусства Семеновой сыграла не только эстетическую, но и историческую роль. В двадцатые годы громко звучали голоса пылких новаторов и «красных критиков», ниспровергателей «отжившего свой век», «ископаемого» классического балета. Танец балерины, с «дыханием вольной стихии», с «интонациями отваги и воли» придал традиции созвучность времени. «Так музыкант новой школы заставляет услышать тревоги и надежды текущей действительности в романтических опусах Шумана или Листа. Так в игре молодого драматического актера злорада нынешнего дня неожиданно напоминает о себе, не разрушая классического канона Мольера или Расина», - писала историк балета В. Красовская.

После окончания сценической карьеры к Марине Тимофеевне пришла новая слава и репутация необыкновенного педагога-репетитора. С ней занимались многие звезды, в том числе Майя Плисецкая и Нина Ананиашвили. Семенова учит своих подопечных главному, тому, чем в полной мере обладала сама - творческой свободе на сцене. Когда накопленный «танцевальный запас» воодушевляет балерину на самовыражение, когда есть личная манера танца и в то же время артист максимально уместен в стиле, хореографии конкретного балета, а не танцует «вообще».

В сезоне 1995 - 1996 года в Большом театре пройдет творческий вечер Марины Семеновой, посвященный 70-летию ее профессиональной деятельности. Новое поколение зрителей, как и прежде, слагает свое восхищение к ногам «балерины ас-солюта».

Майя КРЫЛОВА.